

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

УДК 821.161.1

С.М. Заяц, Г.Н. Николаева

Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко,
3300 г. Тирасполь, Молдова

Семантическая роль мотива творения в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве»

Аннотация. В статье излагается взгляд Ю.М. Нагибина на процесс творчества, стремление постичь его сущность, чем и объясняется постановка сложных проблем, связанных с психологией творчества, в рассказе «Сон о Тютчеве». Художественно моделируя образ творца и ситуации, связанные с творческим процессом, понимаемым как духовное откровение и содержащим некую тайну, автору важно было показать, как «из начальной стихии хаоса» извлекается единственно верное слово, какие высшие силы или жизненные причины побуждают творца созидать. По мнению Ю.М. Нагибина, в основание художественного текста заложена живая реальность, а реальность художественного текста невозможно отделить от художника, его мировоззрения и духовного мира. Своеобразие воссоздания внутреннего мира поэта состоит в том, что повествование о его творческом кредо, связях с современниками, об историко-биографических фактах сжато в рамках одного эпизода, ограниченного во времени и в пространстве. Такое «стяжение» происходит чаще всего во внутреннем монологе, особенностью которого является использование формы третьего лица, когда герой становится повествователем, отстраненно наблюдая за тем, что проносится в его сознании. Воспоминания художника о наиболее значимых моментах своей жизни позволяют автору рассказа в небольшом отрезке текста создать максимально объемный и достоверный психологический портрет творца, формируя представление о его судьбе через хронику жизни одного дня. В его мгновенном, сиюминутном отблеске сокрыта тайна художественного мира, которую приоткрывает Ю.М. Нагибин, создавая своеобразный миф о поэте, что становится частью общей картины бытия, где наиболее значимым является не мотив творения-ремесла, а мотив творения как созидания и духовного откровения, как сближение проникновенного поэтического слова с Вечностью. Этим объясняется тот факт, что, по признанию самого автора, для него в рассказе «Сон о Тютчеве» важнее всего была не эпоха, а личность поэта, его мысли о чуде творчества и вдохновения.

Ключевые слова: Ю.М. Нагибин, художественное моделирование образа творца, творение-откровение, творение-ремесло, внутренний монолог

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Заяц С.М., Николаева Г.Н. Семантическая роль мотива творчества в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве» // Литература в школе. 2024. № 6. С. 45–52. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

S.M. Zayats, G.N. Nikolaeva

Pridnestrovian State University,
Tiraspol, 3300, Moldova

The semantic role of the creative motive in the story “A dream about Tyutchev” by Yu.M. Nagibin

Abstract. The article presents Yu.M. Nagibin’s view on the creative process, the desire to comprehend its essence, which explains the formulation of complex problems related to the psychology of creativity in the story “A Dream about Tyutchev”. Artistically modeling the image of the creator and situations related to the creative process, understood as a spiritual revelation and containing a certain secret, it was important for the author to show how the only true word is extracted “from the initial element of chaos”, what higher powers or life reasons motivate the creator to create. According to Yu.M. Nagibin, the artistic text is based on living reality, and the reality of the artistic text cannot be separated from the artist, his worldview and spiritual world. The originality of the recreation of the poet’s inner world is that the narrative about his creative credo, connections with contemporaries, historical and biographical facts is compressed within the framework of one episode, limited in time and space. Such “contraction” occurs most often in the internal monologue, the peculiarity of which is the use of the third person form, when the hero becomes the narrator, detachedly observing what flashes through his mind. The artist’s memories of the most significant moments of his life allow the author of the story to create the most voluminous and reliable psychological portrait of the creator in a small text section, forming an idea of his fate through the chronicle of one day’s life. In its instantaneous, momentary reflection the secret of the artistic world is hidden, which Yu.M. Nagibin reveals, creating a kind of myth about the poet, which becomes part of the general picture of being, where the most significant is not the motif of creation-craft, but the motif of creation as creation and spiritual revelation, as the rapprochement of the heartfelt poetic word with Eternity. This explains the fact that, according to the author himself, for him in the story “A Dream about Tyutchev” the most important thing was not the era, but the personality of the poet, his thoughts about the miracle of creativity and inspiration.

Key words: Yu.M. Nagibin, artistic modeling of the image of the creator, creation-revelation, creation-craft, internal monologue

CITATION: Zayats S.M., Nikolaeva G.N. The semantic role of the creative motive in the story "A dream of Tyutchev" by Yu.M. Nagibin. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 45–52. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

Художественное наследие писателя Ю.М. Нагибина пронизывают мысли о сущности и процессе творчества, об искусстве как способе познания человеком мира, о психологии и судьбе художника. Об этих сложных философских вопросах писатель размышлял в книге «Вечные спутники» (1981), художественно моделируя образы творцов и ситуации, связанные с творческим процессом, понимаемым как духовное откровение и содержащим некую тайну. Постигание сути процесса творчества являлось главным для Ю.М. Нагибина, поэтому основными в книге стали проблемы, связанные с психологией творчества.

Литературовед В.И. Сахаров отмечал, что в произведениях Ю.М. Нагибина, посвященных художникам, есть особая установка писателя на достижение не фактической, а психологической достоверности в судьбах и личностях творцов, поэтому в жанровом отношении рассказы писателя «можно назвать психологическими этюдами, проникновением во внутренний мир реально существовавших некогда людей, более того – своеобразной художественной реконструкцией их духовного состояния» [4, с. 23].

Художественный текст, по Ю.М. Нагибину, является самостоятельным духовным явлением, концептом, в основании которого заложена живая

реальность, но реальность художественного текста невозможно отделить от художника, от его мировоззрения, его духовного мира.

Задачу воссоздания внутреннего мира художника, осмысления его жизни в рамках рассказа или небольшой повести Ю.М. Нагибин решает своеобразно. Это выражается в том, что многие произведения в книге «Вечные спутники» представляют собой хронику одного дня. Весь историко-биографический материал концентрируется таким образом, что в рамках одного ограниченного во времени и пространстве эпизода раскрывается представление обо всей судьбе художника, его творческом кредо, связях с современниками. Такое «стяжение» материала происходит чаще всего во внутреннем монологе, когда герой в короткий промежуток времени вспоминает наиболее значимые моменты своей жизни, что позволяет автору в небольшом отрезке текста создать максимально объемный и достоверный психологический портрет творческой личности. Это особенно важно в тех произведениях, где в основу сюжета положен мотив творения, когда автор пытается понять, из чего же рождаются произведения искусства, какие жизненные причины или высшие силы заставляют творца созидать.

К этой главной тайне творческого процесса и стремился прикоснуться

Ю.М. Нагибин. В мгновенном, сиюминутном отблеске прожитого дня сокрыта тайна художественного мира писателя, которую Ю.М. Нагибин приоткрывает, создавая своеобразный миф о поэте. Отдельно созданный миф становится частью общей картины бытия, в которой значимым представляется мотив творения.

Создавая рассказ «Сон о Тютчеве» (1976), вошедший в книгу «Вечные спутники», писатель говорил о том, что для него важнее всего была личность, а не эпоха. Об этом свидетельствует статья Ю.М. Нагибина «Признание», в которой он рассказал о «зерне», положенном в основу этого произведения: «Рассказ планировался небольшой, и я решил испытать свой метод... Сядя за работу, я даже не раскрыл имеющийся у меня двухтомник Тютчева, не перечитал его стихов... И, целиком вверившись порыву, напутал все, что только можно... Но образ несчастной, полубезумной и неповторимо прекрасной Денисьевой и образ самого Тютчева мне не пришлось сочинять заново. Значит, в главном мой метод себя полностью оправдал...»¹. В этом проявилось свободное отношение Ю.М. Нагибина к фактам истории литературы, что не всегда находило понимание у литературных критиков. Однако В.Д. Оскоцкий полагал, что исторические картины, «...созданные по законам художественного вымысла, оказываются социально и нравственно куда более значительными, чем документально удостоверенные хроникальные сообщения об эпохе»². Художественный текст несет в себе

авторский вымысел, который может стать правдой жизни. Это, конечно, зависит от уровня таланта писателя, зрелости его духовного мира, знания жизни, природы и человека.

Небольшой размер рассказа «Сон о Тютчеве» и его глубокая экспрессивность побудили Ю.М. Нагибина отбирать наиболее эмоционально насыщенные слова и вести стареющего поэта по лабиринту воспоминаний от «безмятежной легкости» начала его романа с юной Еленой Денисьевой к драматизму их дальнейших отношений. В связи с этим «...удивительный роковой смысл приобрели ... его стихи»³.

Ю.М. Нагибин говорил, что ему хотелось понять, как родилось одно из самых глубоких и прекрасных в русской лирике стихотворений «Вот бреду я вдоль большой дороги, в тихом свете гаснущего дня...», «поразительное по простоте... посвященное ушедшей любимой женщине, когда душа напрямую выражает себя»⁴.

Ю.М. Нагибин моделирует в рассказе все этапы рождения стихотворения, а также мысли Ф.И. Тютчева о чуде творчества и вдохновения: «...обычно в дороге... стихи начинались смутным шумом, словно далекий морской прибор, затем в мерном шуме этом прозванивали отдельные слова и вдруг чудно сочетались в строку. Он становился как бы вместелищем некой чужой работы. Ему нужно было лишь узнавать лучшие, самые необходимые слова...» [2, с. 444]. В рассказе показаны почти родовые муки слова. Так, за короткую

¹ Нагибин Ю.М. Признание // Литературная Россия. 1975. № 27. С. 9.

² Оскоцкий В.Д. Связь времен. М., 1974. С. 117.

³ Нагибин Ю.М. Возвращение к детству (из встречи в концертной студии Останкино, 1980 г.) // 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 442.

⁴ Там же. С. 41.

вечернюю прогулку Ф.И. Тютчев, недавно переживший смерть любимой женщины, заново прочувствовал безнадежность запоздалого раскаяния. Он ждал душевного облегчения от возможности воплотить в слове «...красоту этой муки» [2, с. 441]. В этом эпизоде, характерном для творчества Ф.И. Тютчева в целом, мотив творения – это мотив созидания и духовного откровения, сближение проникновенного поэтического слова с Вечностью. Можно говорить о Божественном откровении, которое проявляет себя в творческом процессе созидания, когда мир горний и ирреальный перекликается с миром реальным и дольным.

Это переплетение становится не просто художественной правдой, но действительностью, преображающей природу человека, связывая его с природой Божественного.

Мотив творения в рассказе тесно переплетается с мотивом пути, что было характерно для русской поэзии XIX в. в целом. Для Ю.М. Нагибина путь, дорога, движение часто являются факторами, способствующими творчеству, потому что именно в эти мгновения человек имеет возможность остаться наедине с самим собой, со своими мыслями и чувствами, отрешиться от всего обыденного и заземленного. Литературовед В.Н. Касаткина считает, что человеческая жизнь в поэтической системе Ф.И. Тютчева «...подобна путешествию, а человек – как путник в дороге» [1, с. 35]. Суть этого понимания Ю.М. Нагибин и показал в рассказе, изобразив Ф.И. Тютчева путником, одиноко бредущим вдоль дороги навстречу творческому озарению: «Чаще всего стихи слагались у него во время одиноких прогулок, а потом

ему оставалось лишь записать их или продиктовать кому-то из близких. И как непохожи были эти стихи на те, что *сочинялись*» [2, с. 444]. Так в рассказе появляется новая составляющая мотива творения – творение-ремесло. Этот семантический вариант существует лишь в сознании, в памяти героя, но не реализуется на уровне сюжета рассказа.

Творение-откровение и творение-ремесло оказываются одновременно и синонимичными, и антонимичными понятиями. Этим писатель подчеркнул, что творчество, даже одного художника, неоднородно, но в любом случае, «...каждое стихотворение – маленькая победа над хаосом» [Там же, с. 444]. Для Ю.М. Нагибина важно было показать, как извлекается единственно верное слово из стихии хаоса. Творческое видение писателя перекликается с пониманием Ф.И. Тютчевым хаоса как необходимого фрагмента мироздания, стоящего в основании человека и природы.

Творческий акт и творчество в широком смысле слова связаны с появлением новых духовных ценностей. «Новизна – вот что отличает творчество от ремесла. Творец не может не быть ремесленником – не может не владеть всеми навыками своего ремесла, ремесленник может и не быть творцом, может и не иметь творческой жилки»⁵, – пишет А.М. Вейн в статье «Противоборство с самим собой».

В связи с этим становится понятно, почему для Ф.И. Тютчева стихи, «сочиняемые» на торжественные, юбилейные даты, на важные события

⁵ Вейн А.М. Противоборство с самим собой // Наука и религия. 1983. № 9. С. 32.

политической или государственной жизни, на смерти и рождения, не менее важны и нужны, так как в поэте «...заложена жажда отклика на суматоху внешней жизни» [2, с. 444]. Однако в историю русской поэзии имя Ф.И. Тютчева, как гения, вписали не «сочиняемые» им стихи, а те, что были «продиктованы ему свыше», когда «...нужно было лишь узнавать лучшие, самые необходимые слова... содержащие что-то сверх прямого смысла... отбрасывающие тень и сияние» [Там же].

По мнению Ю.М. Нагибина, творческий талант обусловлен внутренним миром самого человека, его способностью психологически тонко воспринимать красоту и гармонию мира: «...стихи эти не с неба падали, их порождали... пустынная дорога, идущая травяными полями или нивами, купы деревьев, лес на горизонте, небо и облака в нем...» [Там же].

Источником творчества художника часто становилось страдание. Литературовед Л.С. Шепелева отмечала в произведениях Ю.М. Нагибина скрупулезное исследование состояния души героев в кризисные моменты, малейших «изгибов мысли» [5, с. 90].

Ю.М. Нагибин подчеркивает в рассказе, как душевная драма и глубокие страдания Ф.И. Тютчева постепенно вытесняются стихами, которые выражают давно назревший в его душе разговор с любимой и ушедшей женщиной:

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

[Там же, с. 446]

В конце рассказа мотив вечного страдания художника вновь пересекается с мотивом назначения творчества. «Творчество, – рассуждает Ю.М. Нагибин, – это все-таки общение... Человек пишет стихотворение, ища какого-то отклика, чтоб уцелеть... не погибнуть в пустоте. Позже... приходит и потребность в читателе, который нужен хотя бы для того, чтобы понять, удалось ли выразить... то, что обременяло душу»⁶.

Мир художника в рассказе раскрывается с помощью приема внутреннего монолога, в котором реализуются разные способы самовыражения героя, на что обратила особое внимание исследователь В.Е. Островская [3, с. 19]. Особенностью внутреннего монолога в рассказе Ю.М. Нагибина является использование формы третьего лица, когда герой становится повествователем, отстраненно наблюдая за тем, что происходит в его сознании за время короткой прогулки, когда он, как тень, бредет вдоль большого, «создавая» собственный психологический портрет. Это объясняет смысл заглавия рассказа, который назван «Сон о Тютчеве», где прошлое, настоящее и будущее сливаются в одном событии – в «большом времени культуры». Большое и малое время встретились в художественном мире поэта, заключая в себе вечное и мгновенное. Набрав в пригоршню морской воды, поэт стал частью моря.

Ф.И. Тютчев, как и все «вечные спутники», принадлежит вечной жизни, обители избранных. Несмотря на огромную значимость его имени для русской литературы, при жизни поэт был недооценен, хотя

⁶ Нагибин Ю.М. «О, господи, дай жгучего страдания...» // Литературная газета. 1993. № 42. С. 4.

он и не стремился к популярности. Вопросы, связанные с публикациями, всегда были не слишком важными для Ф.И. Тютчева, в то время как И.С. Тургенев «...взял на себя труд издания разбросанных по журналам и альманахам стихов поэта» [2, с. 447].

Рядом с «вечными спутниками», со-творцами, в рассказе присутствуют и жизненные спутники Ф.И. Тютчева, среди которых есть люди, готовые взять на себя земные хлопоты, в том числе связанные с «популяризацией» его творчества. Не слишком обрадовался стареющий поэт, когда его будущий зять И.С. Аксаков попытался добиться от него хотя бы разрешения на новое издание. Ф.И. Тютчев не понимал, кому и зачем это нужно и что значит издание его произведений по сравнению с только что пережитым им моментом творческого озарения. Это «ослепление скромностью» [Там же, с. 448] восхищает И.С. Аксакова и одновременно возмущает, ведь его цели, в отличие от большинства подобных людей, не корыстны. Жизненное кредо Ф.И. Тютчева – «...я обрел спокойствие, больше мне ничего не надо...» [Там же] – является скорее исключением, ведь в художнике должна быть заложена потребность обратной связи.

«Тютчев был совершенно равнодушен к печатанию, его знали лишь немногие, а открыл по-настоящему Некрасов. Причем, открыл очень интересно: он сел писать серию статей о второстепенных русских поэтах. А закончил статью признанием Тютчева первостепенным поэтом»⁷, – говорил Ю.М. Нагибин на встречах с читателями.

⁷ Нагибин Ю.М. Возвращение к детству (из встречи в концертной студии Останкино, 1980 г.) // 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 42.

Таким образом, в рассказе «Сон о Тютчеве», входящем в книгу «Вечные спутники», велика семантическая роль мотива творения, понимаемого как созидание, откровение и как ремесло, что подчеркивает контраст между святым, вечным и обыденным, бренным в творце. В тайне творчества открывается бесконечная природа человека и осуществляется его высшее назначение. В моменты творческого откровения художник оправдывает себя перед Богом и перед людьми. Творческий акт – тайна, в которой происходит узнавание человека и поэта. Этот процесс узнавания свойственен был не только Ф.И. Тютчеву и размышляющему о его поэзии Ю.М. Нагибину, но и их современникам. Достаточно вспомнить пушкинского «Пророка», лермонтовского путника, одиноко выходящего на дорогу, Б.Л. Пастернака, ищущего цель творчества в самоотдаче, и К.Г. Паустовского, имевшего сходные переживания с рефлексиями Ю.М. Нагибина.

Анализ процесса художественного творчества помогает понять психологию творца, созидателя. В творческом акте нет четких схем, однозначных решений, поддающихся логическому осмыслению. Каждый раз – это рождение, ранее неизвестное и неповторимое. В акте творения поэт становится бессмертным, потому что Слово, обладающее Божественными свойствами, нетленно и вечно. Слово, как дар неба, приходит к тому, кто достоин его принять всем своим естеством. В этом отношении можно смело утверждать, что поэзия Ф.И. Тютчева несет в себе сокровенную тайну, явленную в стихотворном слове. Мистическое соединилось в реальности художественного текста, явившись фундаментом мотива творения, его значимой единицей.

Библиографический список

1. *Касаткина В.Н.* Поэзия Ф.И. Тютчева. М., 1978.
2. *Нагибин Ю.М.* Остров любви. Кишинев, 1985.
3. *Островская В.Е.* Русский советский лирико-психологический рассказ 70-х годов: проблематика и поэтика (Ю. Нагибин, В. Конецкий, Г. Семёнов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
4. *Сахаров В.И.* Мелодия прозы. Заметки о творчестве Юрия Нагибина. М., 1977.
5. *Шепелева Л.С.* Мастерство Ю. Нагибина-новеллиста. Челябинск, 1976.

References

1. *Kasatkina V.N.* Pojezija F.I. Tjutcheva [Poetry of F.I. Tyutchev]. Moscow, 1978.
2. *Nagibin Yu.M.* Ostrov ljubvi [Island of Love]. Chisinau, 1985.
3. *Ostrovskaya V.E.* Russkiy sovetskiy liriko-psikhologicheskiy rasskaz 70-kh godov: problematika i poetika (Yu. Nagibin, V. Konetskiy, G. Semyonov) [Russian Soviet lyrical-psychological story of the 70s: Problematics and poetics (Yu. Nagibin, V. Konetskiy, G. Semenov)]. PhD Dis. Moscow, 1984.
4. *Sakharov V.I.* Melodija prozy. Zametki o tvorcestve Jurija Nagibina [Melody of Prose. Notes on the Works of Yuri Nagibin]. Moscow, 1977.
5. *Shepeleva L.S.* Masterstvo Yu. Nagibina-novellista [The mastery of Yu. Nagibin the novelist]. Chelyabinsk, 1976.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024, принята к публикации 30.09.2024
The article was received on 10.09.2024, accepted for publication 30.09.2024

Сведения об авторах / About the authors

Заяц Сергей Михайлович – доктор филологических наук; профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Sergey M. Zayats – ScD in Philology (Literature); Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Pridnesprovia State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: smz67@mail.ru

Николаева Галина Николаевна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Galina N. Nikolaeva – assistant professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Pridnesprovia State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: gn77898613@yandex.com